

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.17223/15617793/525/12

Зарубежные визиты политических элит сибирских регионов как маркер геополитического позиционирования Сибири

Арсений Николаевич Фартышев^{1, 2}, Валерий Владиславович Ботвинкин^{3, 4}

^{1, 3} Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Россия

^{2, 4} Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

^{1, 2} fartyshhev.an@gmail.com

^{3, 4} valeriy.botvinkin@gmail.com

Аннотация. Исследована визитная активность региональных политических элит сибирских регионов, включая Забайкальский край и Республику Бурятию, в период с 2019 по 2024 г. включительно. На основе собственной базы данных соответствующих визитов проведён количественный анализ их географии и динамики за период в 6 лет, предложена методика оценки их результативности, проведена кластеризация сети визитов. На базе индекса визитной деятельности, основанного на HITS-алгоритме, определены общие характеристики геополитического позиционирования Сибири: восточноазиатский и центральноазиатский уклон, растущее значение Южной Азии, особенно Индии, после 2022 г.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, международное сотрудничество регионов, региональная политическая элита, сетевой анализ, HITS-алгоритм, недружественность

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-77-10048 «Категории “недружественность” и “географическое влияние” в контексте геополитического положения и их экономико-географическое значение для России и Сибири в частности», <https://rscf.ru/project/23-77-10048/>.

Благодарности: картографический материал выполнен младшим научным сотрудником лаборатории георесурсоведения и политической географии ИГ СО РАН Силаевым Алексеем Сергеевичем.

Для цитирования: Фартышев А.Н., Ботвинкин В.В. Зарубежные визиты политических элит сибирских регионов как маркер геополитического позиционирования Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 525. С. 108–121. doi: 10.17223/15617793/525/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/525/12

Foreign visits of political elites from Siberian regions as a marker of Siberia's geopolitical positioning

Arseniy N. Fartyshhev^{1, 2}, Valeriy V. Botvinkin^{3, 4}

^{1, 3} V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russian Federation

^{2, 4} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

^{1, 2} fartyshhev.an@gmail.com

^{3, 4} valeriy.botvinkin@gmail.com

Abstract. The relevance of this article stems from the need to analyze the visit activities of regional political elites in Siberian regions within the context of the changing geopolitical landscape. Given the rising international tensions and the development of new economic ties, particularly with East Asian countries, it is crucial to understand how regional political visits influence the region's foreign policy and economic cooperation. The methods employed in this research include both qualitative and quantitative analyses of the visit activities of political elites. The authors compiled a database covering the period from 2019 to 2024 that includes regions of the Siberian Federal District, as well as the Zabaikalskiy Krai and the Republic of Buryatia, and conducted a quantitative analysis of the visits using network analysis (clustering and the HITS algorithm). Special attention is paid to assessing the effectiveness of visits, measured by the share of signed agreements. The results of the study indicate that Siberian regions maintain significant connections with countries in Central and East Asia, aligning with Russia's foreign policy pivot towards the east and the geographical factor of the proximity of foreign actors. The analysis of visits allowed for the identification of two main clusters of cooperation: ties of Western Siberia with Central Asia and Eastern Siberia with East and Southeast Asia, underscoring the complexity and diversity of Siberia's geopolitical positioning in the contemporary world. We suggest that visit activities serve as an important indicator of the geopolitical positioning of a region and propose

an index of visit activity, calculated using the HITS algorithm (also known as "hubs and authorities"), that shows the critical partners for this heterogeneous region. This index helps us understand that, despite the highest numerical activity of visits with Mongolia, the significance for the region in the framework of network analysis is lower because of the concentration on building ties mostly with a border subject. Conversely, Belarus, the PRC, and Uzbekistan demonstrate more spatially distributed visit activity across Siberian territory. The resulting index of visit activity could be used in various quantitative political research studies and in political geography.

Keywords: political geography, geopolitics, international relations of regions, regional political elite, network analysis in political science, HITS algorithm, hostility

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-77-10048, "Categories 'unfriendliness' and 'geographical influence' in the context of the geopolitical situation and their economic and geographical significance for Russia and Siberia in particular", <https://rscf.ru/project/23-77-10048/>

Acknowledgments: The cartographic material was prepared by Alexey Sergeevich Silaev, a junior researcher at the Laboratory of Geo-Resource Studies and Political Geography of the Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Fartyshev, A.N. & Botvinkin, V.V. (2026) Foreign visits of political elites from Siberian regions as a marker of Siberia's geopolitical positioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 525. pp. 108–121. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/525/12

Введение

Геополитическое положение в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов принимает чаще всего характер государственного феномена, поскольку именно государства правосубъектны вести международные отношения. Регионы выступают на мировой арене как отдельный субъект гораздо реже. Такое случается при высокой степени децентрализации государств (например, Республика Сербская как регион Боснии и Герцеговины), с сепаратистскими регионами (например, Тайвань у КНР), суверенными регионами (например, Аландские острова Финляндии), но проявления процессов регионализации затрагивают даже унитарные государства, не говоря уже о федерациях.

Согласно Федеративному договору от 31 марта 1992 г., внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации и внешнеэкономическая деятельность относятся к ведению федеральных органов, но при этом, согласно ст. 3.2, регионы являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей, если это не противоречит Конституции и законам Российской Федерации (при координации федеральных органов). Согласно п. 1 «о» ст. 72 Конституции РФ, в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнение международных договоров Российской Федерации. Согласно Федеральному закону от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», субъекты РФ также обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также на участие в деятельности международных организаций в рамках органов, созданных специально для этой цели [1].

Органы государственной власти субъекта Российской Федерации могут заключать соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заблаговременно уведомив соответствующие федеральные органы исполнительной власти. Де-факто субъекты не имеют собственных министерств иностранных дел, но международная деятельность осуществляется высшими должностными лицами субъектов, представителями политической элиты, экономическими акторами путём визитной деятельности, заключения двусторонних договоров, форумной дипломатии, участия в международных выставках и координируется в рамках комитетов по внешним связям [2]. Таким образом, региональные политические элиты выступают агентами геополитических субъектов субнационального уровня, благодаря чему у каждого региона создаётся облик его геополитического позиционирования (в зарубежной терминологии «геополитического кода» [3] региона на политической карте мира).

Одним из таких важных индикаторов геополитического позиционирования является визитная деятельность высших должностных лиц, что в научной терминологии именуется «face-to-face diplomasy» (личная дипломатия). Личная дипломатия долгое время была краеугольным камнем мировой политики, однако ученые в области международных отношений в значительной степени отвергают ее как неважную [4]. Современные исследования визитной деятельности базируются в основном на государственном и надгосударственном уровне [5–8], в то же время исследования механизмов взаимодействия региональных политических структур с международными партнерами и влияния их деятельности на внешнюю политику страны являются скорее исключением [9]. В геополитической логике важнейшим фактором является понятие дружественности-враждебности геополитических субъектов друг к другу. Непосредственный визит высшего должностного лица, в свою очередь, рассматривается как важный критерий дружественности одного субъекта к другому, развития отношений, рост визитов и статусности визитёров свидетельствуют об усилении связей

через установление приоритетности связей [10, 11]. Вследствие реализации визитной дипломатии во всему миру формируется сеть таких взаимодействий, которая наиболее явным способом даёт понять политику региона и его место в глобальной геополитической системе взаимоотношений. В этой связи важно изучать географическую картину внешних контактов и внешней политики, что помогает определить, в какой степени реальность отличается от проектов позиционирования, представлений о месте субъекта в мире, дискурса о ведении внешней политики [12–17].

В контексте политики «Поворота на Восток 2.0» наиболее значимой становится роль именно регионов Сибири [18]. Исторически граница между западной и восточной ориентацией внешней торговли шла по Енисею, но современные геополитические обстоятельства заставляют смещать эту границу на запад. Если достоверно о внешней торговле в условиях закрытия таможенной статистики судить невозможно, то визиты являются тем самым фактором, который косвенно должен свидетельствовать об этом повороте. Целью данной статьи является выявление тенденций визитной

деятельности региональных политических элит сибирских регионов за 2019–2024 гг. как важного идентификатора геополитического позиционирования Сибири.

Материал

Авторами была собрана база данных визитов 10 субъектов Сибирского федерального округа, а также Республики Бурятия и Забайкальского края. Данные собраны из новостных порталов регионов, сайтов правительства и региональных газет за пятилетний период (2019–2024 гг.)¹. Суммарно идентифицировано 644 визита (табл. 1). Со стороны регионов для анализа собирались встречи глав регионов, их заместителей, членов региональных министерств, а также представителей торгово-промышленных кругов, со стороны зарубежных коллег – встречи послов, глав субъектов зарубежных государств, высших должностных лиц государств, а также представителей экономических элит. Несмотря на недоступность некоторых данных, полученные исходные данные позволяют полноценно взглянуть на процессы, прошедшие за рассматриваемый период.

Таблица 1

Свойства исходных данных о визитах за 2019–2024 гг.

Субъект СФО	Источники данных	Исходящие визиты	Входящие визиты	Итого
Республика Бурятия	https://asiarussia.ru/ https://egov-buryatia.ru/ https://buryatia.mid.ru/ru/	21	85	106
Новосибирская область	https://85.nso.ru/ https://vn.ru/	14	68	82
Красноярский край	http://www.krskstate.ru/ https://krasnoyarsk.tpprf.ru/ru/	19	59	78
Томская область	https://toms.gov.ru/	17	59	75
Иркутская область	https://www.ogirk.ru/ https://irk.today/ https://babr24.com/ https://irkutsk.bezformata.com/ https://orda-info.online/	13	52	65
Алтайский край	https://altairegion22.ru/	19	29	48
Омская область	https://omskportal.ru/	17	27	44
Кемеровская область	https://ako.ru/	5	35	40
Республика Тува	https://rtyva.ru/ https://www.mid.ru/ru/ https://krsk.mid.ru/ru/ https://aves.rtyva.ru/	10	25	35
Забайкальский край	https://75.ru/	7	22	29
Республика Хакасия	https://r-19.ru/	2	23	25
Республика Алтай	https://altai-republic.ru/	1	16	17
Итого		145	499	644

Методология

Мы придерживаемся принципа единства количественных и качественных методов в исследованиях [19]. Исследовательские операции включают в себя:

– количественный анализ входящих и исходящих связей, которые показывают общие тенденции визитной деятельности рассматриваемых субъектов с выделением наиболее активных регионов со стороны сибирских регионов, так и наиболее активных партнёров со стороны зарубежных стран. Темпоральный анализ включает в себя распределение визитов по годам. Отдельно мы выделили доли в визитах недружественных стран согласно Распоряжению Правительства РФ от

5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия»;

– анализ результативности встреч показывает процент встреч, завершившихся какими-либо соглашениями или конкретными договорённостями. Связан данный аспект с двумя факторами: чиновничий туризм и воображаемое сотрудничество. Первое – проблема «чиновничьего туризма» (или «бюрократического туризма») является феноменом, которым госслужащие приезжают в другие страны под видом командировки, при этом не заключая значимых соглашений с зарубежными коллегами. «Воображаемое сотрудничество» –

феномен, который связан с показательным преувеличением двусторонней международной деятельности, созданием видимости важности в глазах федеральных элит, в результате чего региональные элиты, инициирующие воображаемое сотрудничество, получают экономические преференции или политические «баллы» для дальнейшего карьерного продвижения [20];

– сетевой анализ. Как было отмечено выше, визитная дипломатия имеет сетевую структуру, поэтому для её изучения используется метод графов (сетевой подход). Развитие сетевого подхода в политических исследованиях проходило в рамках общих тенденций развития социальных наук, в которых происходил отказ от механистической картины мира с ее доминирующей идеей линейных причинно-следственных связей и акцентировалось внимание на проблемах горизонтального взаимодействия и координации в условиях полицентричного общества. В условиях нынешних трансформаций общества сетевой подход способен охватить сложность и текучесть социально-политических процессов, новый характер отношений между частной и публичной сферами общества, государством и гражданами. Сетевой подход предполагает изучение структуры сети как совокупности акторов и их связей. Теоретическая концептуализация понятия «сеть» и методологические возможности его применения обусловили эволюцию и направление развития сетевого подхода в политических исследованиях, широко используемый в зарубежных исследованиях и только развивающийся в отечественной политической науке [21–23]. Узлами сети выступают геополитические субъекты (регионы Сибири с одной стороны и государства – с другой). В качестве связей (рёбер) выступает факт очного визита. Граф ориентированный, поскольку внешнеполитическая деятельность региональных элит показывает позиционирование самого региона, а входящие визиты показывают исходящую заинтересованность. Сеть имеет не классическую треугольную структуру, поскольку взаимоотношения между узлами регионов и между странами исключены, а двухуровневую, где связи осуществляются только между уровнями, а связи между узлами внутри уровня исключены. В рамках сетевого анализа использовался кластерный анализ (cluster analysis), позволяет выявить сообщества устойчивых международных связей и тяготение регионов и иностранных партнёров к сотрудничеству с определёнными партнёрами. Это показывает не просто точечные взаимодействия, а общую картину геополитического позиционирования.

В сетевом анализе чаще всего используются метрики центральности (closeness centrality, betweenness centrality, eigenvector centrality), но в данном случае эти метрики слабо применимы из-за двухуровневой системы сети. В целях выявления общего геополитического позиционирования Сибири нами используется HITS-алгоритм (Hyperlink-Induced Topic Search), позволяющий высчитать переменные «hub» и «authority» для ориентированных графов. HITS – это алгоритм, изначально разработанный для анализа ссылок и веб-страниц, возник из особого понимания создания веб-страниц, когда изначально формировался Интернет.

Некоторые веб-страницы, известные как хабы, служили большими каталогами, которые на самом деле не были авторитетными в информации, которую они содержали, но использовались как компиляции широкого каталога информации, которая направляла пользователей напрямую на другие авторитетные страницы. Другими словами, хороший хаб представляет собой страницу, которая указывала на множество других страниц, в то время как хороший авторитет представляет собой страницу, которая связана множеством различных хабов [24]. HITS-алгоритм используется кроме того для оценки геополитических рисков в финансовой сфере [25], связей политических блогеров [26], сетей ссылок спикеров парламентских дебатов [27] и др. Эта же логика может быть перенесена и на визитную деятельность регионов, где хабом является зарубежная страна, на которую указывают многие регионы, а авторитет – регион, от которого исходят связи с множеством стран.

Для запуска алгоритма для каждого узла a в сети предполагается $auth_a = 1$ и $hub_a = 1$, далее следует применение k раз сначала обновление показателя $auth$ по правилу 1, а затем hub по правилу 2:

Правило 1:

$$auth_a = \sum_{b \in a_{to}} hub_b,$$

где a_{to} – это все узлы, которые имеют ссылки на узел a .

Правило 2:

$$hub_b = \sum_{a \in b_{from}} auth_a,$$

где b_{from} – это все узлы, которые исходят из узла a .

То есть рейтинг авторитета страницы – это сумма всех рейтингов хабов страниц, которые указывают на нее, а оценка хаба страницы – это сумма всех оценок авторитетности страниц, на которые она указывает [28]. Алгоритм повторяется бесконечное число раз, но для получения релевантного результата достаточно число итераций = 1000. Показатели измеряются в нормированном диапазоне от 0 до 1, поэтому они удобны для проведения дальнейших математических операций. На рис. 1 представлено несколько гипотетических ситуаций на простых сетях с расчётами показателей hub и $authority$.

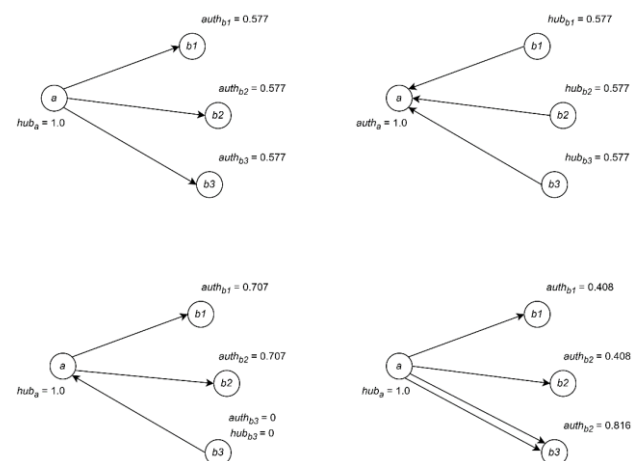

Рис. 1. Примеры расчёта hub и $authority$ для случайной сети

Поскольку зарубежные страны являются одновременно и хабами, и авторитетами (и принимают и отправляют делегации в сибирские регионы), то сложение обоих показателей *hub* и *authority* даёт совокупную интенсивность взаимодействий зарубежных стран с Сибирью. Назовём этот показатель «индекс визитной деятельности» (*Ivis*). При $Ivis_a=1$ все регионы контактируют только с одним узлом *a*, при $Ivis_a=0$ нет ни входящих, ни исходящих связей с узлом *a* ни у одного региона.

В качестве программного обеспечения для обработки базы данных и выполнения расчётов и визуализации данных использованы программы Gephi и Sci-mago Graphica [29], картографирование осуществлено с помощью NextGIS.

Результаты

Количественный анализ визитов. В табл. 1 показано распределение визитов по регионам, важнейшим странам и годам. На рис. 2 отражены показатели входящих и исходящих двусторонних визитов, где с одной стороны расположены представители высшей власти субъектов РФ (главы регионов), с другой стороны – представители зарубежных государств. В целях лучшей читаемости визуализации установлено пороговое значение $\min=3$ случая двусторонних контактов.

В первую очередь следует заметить, что регионы принимают иностранные делегации чаще, чем отправляют сами. Крупнейшими партнёрами по диалогу сибирских регионов в рассматриваемый период являются Монголия, Китай и страны ЕАЭС. Наибольшей активностью на внешнеполитическом плане выделяются Новосибирская область, Красноярский край и Иркутская область. Ключевым направлением сотрудничества по всей Сибири за текущий период является сотрудничество между Новосибирской областью и

Республикой Беларусь, что объясняется усилением санкционного давления западных стран, а Новосибирская область, в свою очередь, является точкой входа ввиду давних промышленных связей, а также развития научного и агротехнического сотрудничества между регионом и Беларусью.

Наибольшую визитную активность среди регионов Сибири имеют Красноярский край, Томская, Иркутская, Новосибирская области. Первое место Красноярска обеспечено ежегодным Красноярским экономическим форумом, привлекательным для зарубежных делегаций – руководителей компаний и финансовых институтов, послов и консулов, отдельных политических лидеров. Связи Томска, главным образом, строятся вокруг сотрудничества в сфере образования и науки благодаря развитому потенциалу томских университетов (ТГУ, ТПУ, ТУСУР и др.). Иркутск имеет множество сложившихся связей со странами Азии и развитую систему сотрудничества в сфере образования. Часто это связано с тематикой расширения районов нового освоения нефтегазодобычи на севере области и освоением Ковыктинского газоконденсатного месторождения.

В свою очередь среди зарубежных коллег по частоте встреч выделяются Монголия, Беларусь и КНР. Связи Сибири с Монголией и Китаем характеризуются главным образом географической близостью и российской стратегией «Поворота на восток». Политика поворота международных связей наглядно показана в табл. 2, где наблюдается сворачивание контактов с 2022 с Европой и резкий рост визитов в страны СНГ и в Южную Азию. Однако следует заметить, что резкого роста визитов в Восточную и Юго-Восточную Азию не наблюдается – они всего лишь вышли на доковидный уровень. Рост связей с Африкой с 2023–2024 гг. обеспечивается скорее активностью извне, чем интересом политической элиты сибирских регионов.

Таблица 2

География визитной деятельности политических элит сибирских регионов в 2019–2024 гг.

Макрорегион/страна	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.		2024 г.		Итого
	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	
СНГ	19	4	9	3	28	3	38	15	54	18	35	23	249
– Беларусь	5	1	1	3	8		9	5	23	5	12	12	84
– Узбекистан	7	1	4		11	1	14	2	5	1	8	8	62
– Казахстан	3	2	2		3	2	12	2	10	5	7	2	50
– Таджикистан					1		1	3	6	4	1	1	17
– Армения	2							2	3	1			8
– Другие	2		2		5		2	1	7	2	7		28
Европа	25	5	1	0	17	2	0	0	2	0	0	2	54
– Германия*	7	3	1		8				2				21
– Австрия*	3	1			2	2						2	10
– Италия*					2								2
– Нидерланды*	1	1			1								3
– Швейцария*	2				1								3
– Франция*	5				1								6
– Другие	7				2								9
Восточная Азия и ЮВА	44	15	12	0	23	2	26	10	61	15	41	16	265
– Китай	11	6			1		7	3	23	6	19	12	88
– Монголия	16	5	8		16	1	14	6	27	7	10	4	114
– Южная Корея*	7	2	3		4	1	1		2	1	2		23
– Мьянма							2		1		3		6
– Япония*	7	2	1								1		11
– Лаос									1		1		2
– Индонезия							1				2		3

Макрорегион/страна	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.		2024 г.		Итого
	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	Вх.	Исх.	
– Камбоджа									1		1		2
– Таиланд					1		1	1	1		1		5
– Другие	3				1				5	1	1		11
Южная Азия и Ближний Восток	4	1	2	2	4	2	7	1	21	2	7	2	55
– Индия	3	1		2	2		3		11	1	5	1	29
– Иран			1		1		1		3			1	7
– Шри-Ланка									2		2		4
– Турция	1		1				1	1	1	1			6
– Другие					1	2	2		4				9
Африка									10	1	3		14
Америка	4				1		1		1				7
Всего	96	25	24	5	73	9	72	26	149	36	86	43	644

* Внесены в список недружественных стран согласно Распоряжению Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия».

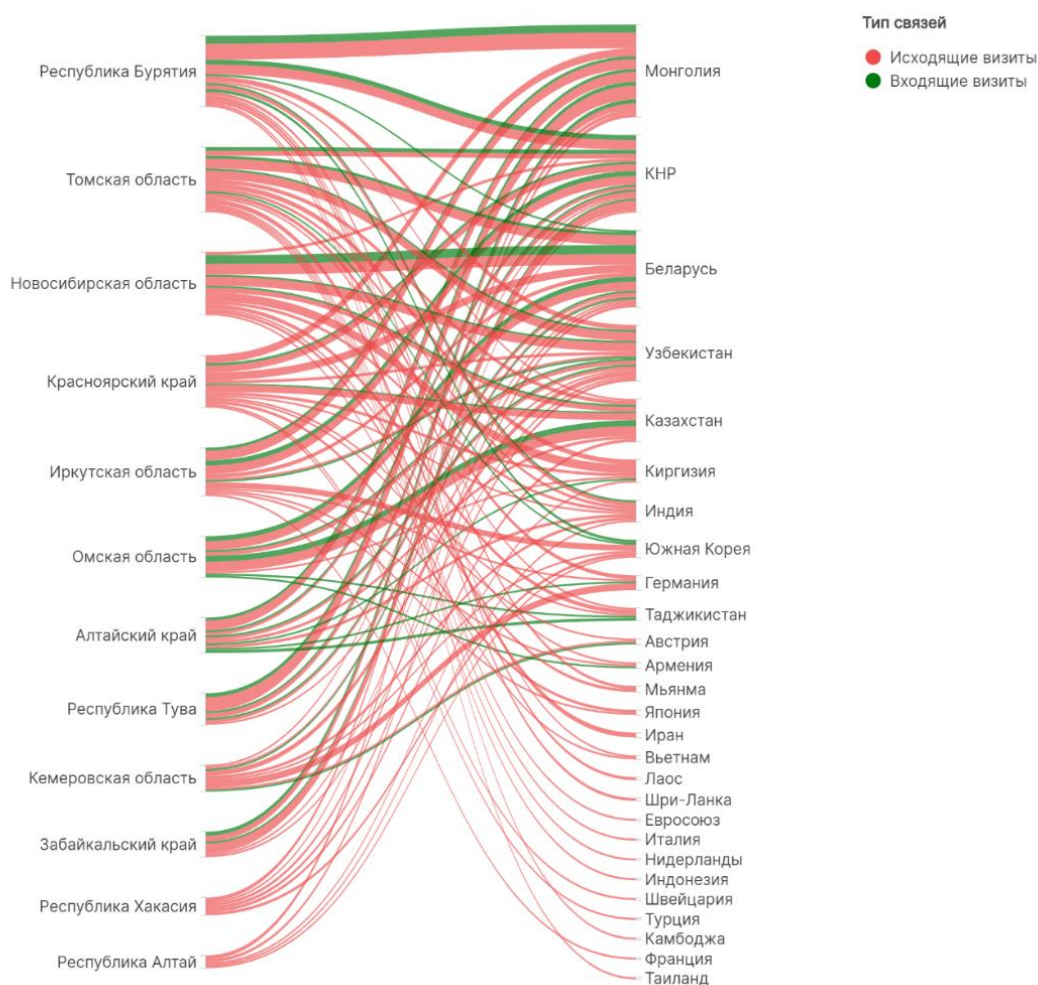

Рис. 2. Алловиальная диаграмма визитной деятельности политических элит регионов Сибири за 2019–2024 гг. (порог видимости связей – не менее трёх случаев для исключения единичных и ситуативных связей)

Анализ зарубежных визитов показал, что больше всего связей у сибирских регионов с Центральной и Восточной Азией. Это связано с внешней политикой России, в первую очередь поворотом на Восток и сохранением партнёрских отношений со странами ближнего зарубежья. Сибирские регионы имели множество визитов со стороны европейских стран до 2022 г.

Видны немногочисленные визиты со стороны Латинской Америки и единственный визит представителей канадского бизнеса в Сибирь, а также немногочисленные связи со странами Африки. Данный факт объясняется географическим расположением. Субъекты Сибири предпочитают больше сотрудничать с приграничными регионами Монголии, Китая, Казахстана и меньше – с удалёнными странами Африки, Латинской

Америки или Юго-Восточной Азии. Несмотря на это, присутствуют некоторые прецеденты: большое количество связей с Индией, Вьетнамом, Ираном. Также анализ геополитических тенденций в Сибири демонстрирует интерес со стороны стран ближнего зарубежья (Беларусь, Казахстан и т.д.), связанный прежде всего с концепцией приграничного сотрудничества РФ. Такие субъекты, как Новосибирская область, Омская область, Республика Алтай и Алтайский край, тесно сотрудничают с Казахстаном. Среди визитов из стран ближнего зарубежья чаще всего фигурируют главы субъектов других государств, а также послы и консулы. Среди стран дальнего зарубежья, помимо послов и консулов, чаще всего приезжают предпринимательские круги.

Согласно распоряжению Правительства РФ от 05.03.2022 «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» большая часть стран НАТО и Евросоюза подверглись определенным ограничениям, связанным с отношениями с Россией. Анализируя зарубежные визиты, можно констатировать следующее:

- до 2022 г. регионы Сибири плодотворно сотрудничали со странами Европы, в особенности с Германией. Генконсул ФРГ активно посещал Сибирский федеральный округ, общаясь с региональными правительствами;

- после утверждения списка недружественных стран все контакты с политическими кругами Европы обрываются, в Сибирь из Европы приезжают только представители торгово-промышленных кругов.

Единственными государствами из списка недружественных стран, с которыми регионы продолжают сотрудничество после ввода санкций, являются Республика Корея и Федеративная Республика Германия. За 2019–2024 гг. прошло 594 встречи сибирских политических элит с зарубежными, из них 80 встреч было со странами коллективного Запада, однако после 2022 г. корейские коллеги встречались с представителями регионов Сибири только 7 раз и всего 2 встречи прошло с компаниями из Германии. Таким образом, после утверждения списка недружественных стран сотрудничество с сибирскими регионами сохранила только Республика Корея и ФРГ, при учете того, что количество встреч значительно сократилось, а встречи с представителями Германии ограничиваются только торговыми компаниями.

Результативность визитов

Как правило, международные визиты региональных элит происходят с целью налаживания связей с другими странами, закладывания длительного сотрудничества. В новостных сводках это достаточно частый элемент дискурса для оправдания необходимости поездки, но в научной литературе число обобщающих исследований об эффективности визитной политики региональных властей весьма ограничено (авторами таких работ не выявлено). Критерием могут выступать

заключённые акты: договоры, соглашения, меморандумы и др. Часто стороны во время встреч намечают только будущее сотрудничество, ссылаясь на грядущие встречи или форумы, которые в итоге не конвертируются в реальное сотрудничество.

Наш анализ показал, что сравнительно малое количество визитов оканчивается подписанием каких-либо бумаг – лишь 107 из 631 визита (16,95%) (рис. 3).

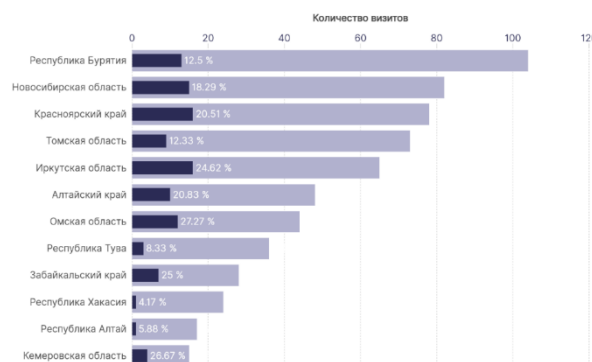

Рис. 3. Результативность визитной деятельности политических элит сибирских регионов с зарубежными государствами в 2019–2024 гг.

Иркутская область из 66 визитов в регион и за границу имеет 16 закончившихся подписанием меморандума или контракта. Наиболее важными результатами перечисленных визитов является открытие совместного предприятия по производству кашемира на территории Иркутской области по соглашению между правительством области и Монголией, а также соглашение между правительством Иркутской области и Минским тракторным заводом по поставке 162 единиц техники (100 машин предназначены для сельскохозяйственных работ, 32 – для организаций лесного комплекса и 30 – для дорожно-строительной отрасли). Остальные соглашения представляли собой закрепление научных, экономических и политических связей.

Забайкальский край из 28 визитов имеет семь закончившихся подписанием соглашений. Наиболее значимым из них является соглашение с китайской горно-рудной компанией «Хуатай» о расширении добычи железной руды. Объем инвестиций данного проекта составит 113 млрд руб.

Алтайский край из 47 встреч имеет 10 закончившихся подписанием соглашений. Все соглашения так или иначе затрагивают сотрудничество в научно-образовательных, экономических и культурных сферах.

Республика Алтай из 17 встреч имеют всего один подписанный документ с Республикой Беларусь, а именно план сотрудничества на 2023–2025 гг. по реализации соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Алтай в торгово-экономической, научно-технической и социально-культурной сферах.

Республика Бурятия провела за рассматриваемый период 104 встречи, из которых 13 увенчались заключением соглашений. Интерес вызывает прежде всего соглашение с индийской компанией Star OverSeas LTD по строительству в Бурятии завода по производству инфузионных растворов. Стоимость проекта – около

400 млн руб., половину из которых взяла на себя индийская сторона. Остальные соглашения затрагивают сферы сотрудничества в культурной, здравоохранительной и торгово-промышленных сферах.

Республика Хакасия из 24 встреч имеет лишь одно подписанное соглашение с Республикой Беларусь о сотрудничестве в области образования. Красноярский край из 78 встреч имеет 16 визитов, закончившихся заключением соглашений. Соглашения затрагивают взаимодействие в сферах образования, культуры, здравоохранения, туризма и промышленности. Соглашения экономического плана акцентированы на комплексном инвестиционном проекте «Енисейская Сибирь» [30].

Республика Тува из 36 встреч имеет три соглашения, закрепляющих отношения с Республикой Беларусь, Монголией, а также закрепляющие побратимские отношения между городом Кызыл и городом Урумчи – столицей Синьцзян-Уйгурского автономного района (КНР).

Кемеровская область имеет четыре встречи, окончившихся подписанием соглашений – из 36. Соглашения закрепляют отношения области с КНР, Францией, Японией и Беларусью в сферах промышленности, туризма и науки. Омская область провела за представленный период 44 встречи, из которых 12 завершились соглашениями – меморандумами о сотрудничестве, планами мероприятий, а также контрактами иностранными компаниями на экспорт продукции.

Новосибирская область из 82 визитов имеет 15 заключенных меморандумов и соглашений. Соглашения также затрагивают вопросы торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Наиболее весомыми выступают соглашения с Республикой Беларусь, касающиеся сотрудничества промышленных предприятий Беларуси и Новосибирска, а также соглашения о совместной деятельности между Новосибирским государственным аграрным университетом и Минским тракторным заводом.

Томская область из 75 встреч имеет всего девять подписанных соглашений, затрагивающих вопросы развития сотрудничества, совместной деятельности в образовании и науке, а также в сферах промышленности и сельского хозяйства. Наиболее влиятельной встречей выступает встреча с белорусскими коллегами, по итогам которой состоялось подписание нескольких соглашений и договоров. Соглашения о сотрудничестве подписали особая экономическая зона «Томск» и свободная экономическая зона «Гродноинвест», Томская торгово-промышленная палата и Гродненское отделение Белорусской ТПП, а также Томский государственный архитектурно-строительный университет и Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.

Остальные поездки представляют собой три категории: поездки на празднования и юбилейные мероприятия, встречи (что в большинстве случаев является символической политикой [31]), визиты, представляющие собой предварительные первые контакты («разведывательные визиты»), встречи с неустановленной результативностью, информации о которых недостаточно,

чтобы судить о результатах. В итоге можно видеть достаточно большой процент низкорезультативных встреч, что свидетельствует об описанных выше тенденциях «бюрократического туризма» и «воображаемого сотрудничества».

Важно понимать, что и подписанные меморандумы не всегда являются ключом результативности встречи, поскольку даже закреплённые актами соглашения в итоге не выполняются. Так, например, завод по производству инфузионных растворов в Бурятии так и не был построен, а инвестиционная компания после этого проявляла интерес к промышленным площадкам в Северной Осетии, но и в том случае реализации проекта не случилось. Так или иначе, результативность визитной деятельности политических элит показывает и эффективность самой региональной элиты. В процентном соотношении наибольшей результативностью визитной деятельности обладают Омская и Кемеровская области, Забайкальский край и Иркутская область, уровень которой находится в районе одной четверти.

Кластерный сетевой анализ визитов

Нами была составлена сетевая диаграмма и проведена кластеризация сети иерархическим способом (подробно об алгоритме кластеризации, используемой Scimago Graphica, описано в работе [32]). Кластеризация выявила два устойчивых кластера сообщества международных связей и один узел вне кластеров (рис. 4).

Первый кластер (слева) показывает тяготение к Восточной Азии (Монголия, КНР, Япония, Южная Корея) и Южной Азии (Тайланд, Индия), при этом среди сибирских регионов сюда относятся практически все регионы Восточной Сибири, а также южная часть Западной Сибири. На это влияет, с одной стороны, географическая близость партнёров, с другой – историко-культурное тяготение, поскольку республики Бурятия, Тыва и Алтай имеют схожие культурно-цивилизационные особенности именно с Восточной Азией. В этот же кластер попадают и страны Европы (Германия, Франция, Австрия, Словакия), отношения с которыми носят единичный характер, а потому не показаны в кластерном анализе.

Другой кластер (справа) кластер показывает тяготение к Центральной Азии (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан) и Беларуси. В этот кластер вошли Омская, Томская, Новосибирская области и Красноярский край. Здесь влияние оказывает как географический, так и транспортно-коммуникационный фактор, поскольку Новосибирск выступает транспортным хабом для Центральной Азии. Для Беларуси тяготение именно к западносибирским областям объясняется большим объёмом рынка для сбыта продукции, чем в Восточной Сибири, а также наличием больших диаспор. Особенно в этом кластере выделяется Узбекистан, находящийся ближе к пересечению кластеров. Эта страна демонстрирует равномерность отношений с регионами Сибири.

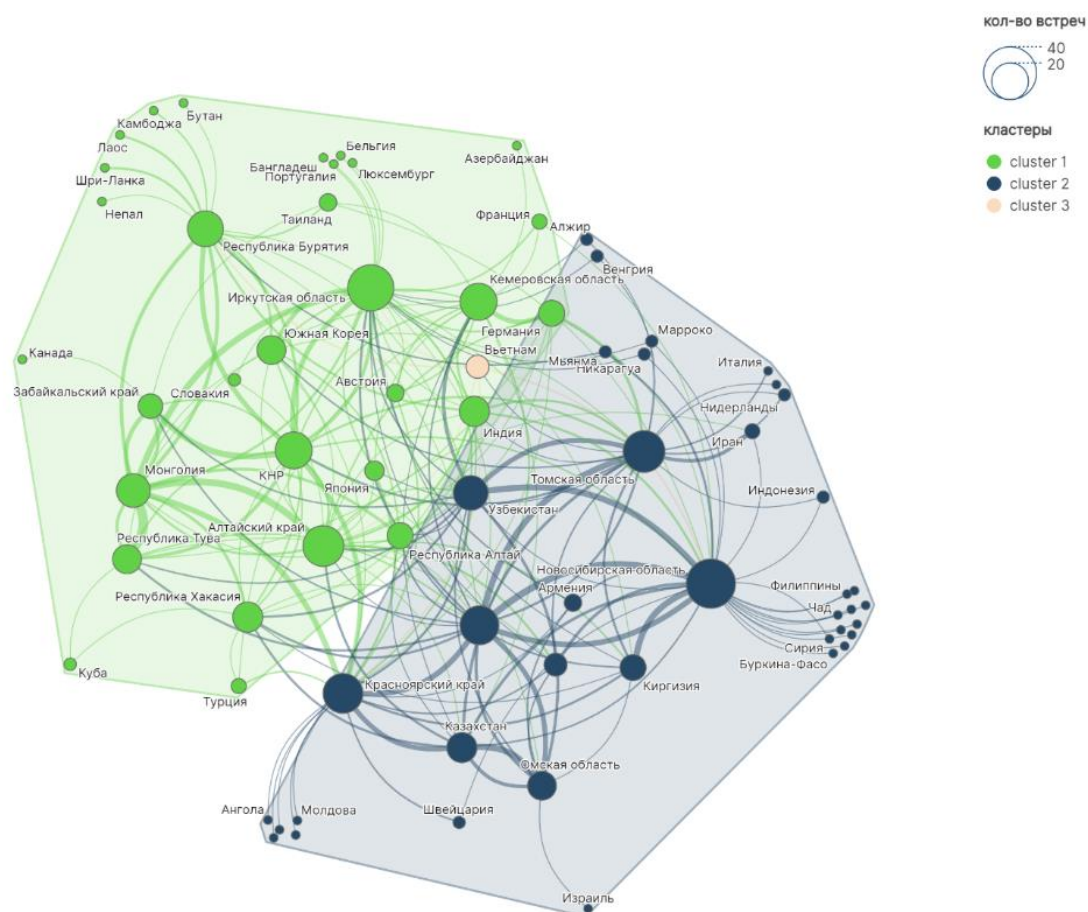
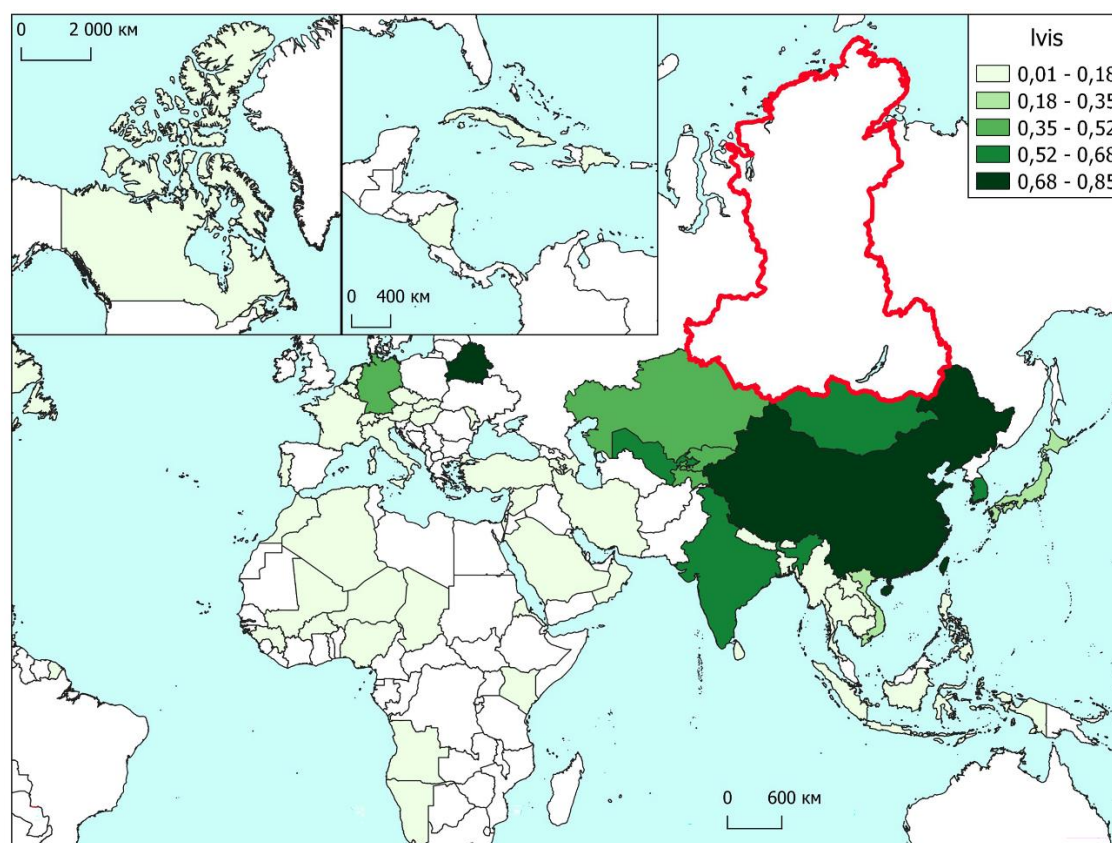

Рис. 4. Кластеризация визитов политических элит сибирских регионов с зарубежными государствами в 2019–2024 гг.

Таблица 3

Значения узлов-зарубежных стран по HTS-алгоритму

Страна	Auth	Hub	Ivis	Страна	Auth	Hub	Ivis	Страна	Auth	Hub	Ivis
Беларусь	0,515	0,337	0,852	Никарагуа	0	0,086	0,086	Оман	0	0,043	0,043
КНР	0,430	0,326	0,756	Марроко	0	0,086	0,086	Филиппины	0	0,043	0,043
Узбекистан	0,330	0,337	0,666	Индонезия	0	0,076	0,076	Саудовская Аравия	0	0,043	0,043
Монголия	0,349	0,258	0,607	Алжир	0	0,076	0,076	Доминик. Респ.	0	0,043	0,043
Южная Корея	0,303	0,243	0,546	Венгрия	0	0,076	0,076	Бангладеш	0	0,043	0,043
Индия	0,240	0,301	0,541	Словакия	0	0,075	0,075	Португалия	0	0,043	0,043
Казахстан	0,217	0,261	0,478	Кения	0,060	0,000	0,060	Бельгия	0	0,043	0,043
Киргизия	0,170	0,234	0,404	Мьянма	0	0,058	0,058	Люксембург	0	0,043	0,043
Германия	0,104	0,276	0,379	Куба	0	0,047	0,047	Сирия	0,038	0,000	0,038
Таджикистан	0,213	0,162	0,375	Намибия	0	0,043	0,043	Азербайджан	0	0,037	0,037
Вьетнам	0,060	0,213	0,274	Эритрея	0	0,043	0,043	Италия	0	0,033	0,033
Япония	0,060	0,155	0,215	Ангола	0	0,043	0,043	Израиль	0	0,018	0,018
Иран	0,104	0,076	0,180	Молдова	0	0,043	0,043	Непал	0	0,015	0,015
Армения	0,046	0,129	0,175	Чехия	0	0,043	0,043	Шри-Ланка	0	0,015	0,015
Австрия	0,095	0,080	0,175	Буркина-Фасо	0	0,043	0,043	Лаос	0	0,015	0,015
Таиланд	0,028	0,095	0,123	Чад	0	0,043	0,043	Камбоджа	0	0,015	0,015
Франция	0	0,122	0,122	Гвинея	0	0,043	0,043	Бутан	0	0,015	0,015
Турция	0	0,109	0,109	Мали	0	0,043	0,043	Канада	0	0,015	0,015
Нидерланды	0,060	0,033	0,093	Нигер	0	0,043	0,043				
Швейцария	0	0,086	0,086	Нигерия	0	0,043	0,043				

Рис. 5. Карта визитной деятельности политических элит сибирских регионов в 2019–2024 гг. (*Ivis*)

Также в сети находятся четыре узла, не относящихся к какому-либо кластеру, что объясняется, с одной стороны, эпизодическими случаями связей с ними, с другой – равноудалённостью связей от обоих кластеров. Сюда попадает Вьетнам как государство, не имеющее устойчивых региональных связей, но ведущее поиск таковых. Характерно, что Вьетнам – первое государство, заключившее соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС, но из-за слабых хозяйственных связей соглашение носит скорее компромиссный и «пробный» характер [33, 34].

Хабы и авторитеты визитной деятельности сибирских регионов

Подходя к финальной стадии исследования, заметим, что простой количественный анализ не даёт представления о геополитическом позиционировании Сибири в целом. Например, выше было показано, что количественно связи с Монголией преобладают, но в основном эти визиты связаны лишь с одним регионом, в то же время значимость для остальных узлов остаётся посредственной. В табл. 3 представлены расчёты HITS-алгоритма сети визитов сибирских регионов, а на рис. 5 данные картированы по показателю *Ivis*.

Хотя полученный показатель достаточно сильно коррелирует с общим количеством визитов по странам, он характеризует именно положение узлов в сети. Монголия имеет наибольшее количество визитов, но по показателю *Ivis* уступает Беларуси, КНР и Узбеки-

стану за счёт неравномерности связей. Беларусь же обходит и Китай, и Монголию за счёт активного взаимодействия именно со всеми регионами, не являясь при этом страной – соседом Сибири. Для зарубежных стран, находящихся на отдалении (Узбекистан, Южная Корея, Индия, Вьетнам и др.), интерес сотрудничества с сибирскими регионами зависит уже не от географических факторов, а промышленно-ресурсного потенциала, научно-образовательного развития и активности политических элит. В целом геополитическое позиционирование региона по показателю визитной активности имеет значительный восточноазиатский и центральноазиатский уклон. Из Южной Азии особенно выделяется активность Индии, значение которой особенно повысилось после 2022 г.

Обсуждение

Представленная концепция анализа геополитического позиционирования регионов и международных отношений на региональном уровне через визитную деятельность политических элит, как нам представляется, имеет большие перспективы для развития и продолжения исследований в рамках направлений политологии и общественной географии. Помимо освещённых в данной статье тем это могут быть:

– Расширение временных рамок исследования и анализ динамики и трансформации структуры визитной деятельности региональных элит. На более длинных периодах возможно и выделение периодов губернаторств для

выявления личностного фактора в формировании внешнеполитических ориентиров региональной власти.

– Расширение выборки регионов, что даёт возможность межрегиональных сравнений геополитического позиционирования и сравнения с общегосударственными приоритетами и визитной деятельностью федерального уровня.

– Детализация тематических блоков сотрудничества и анализ времени исполнения подписанных соглашений, выявление нереализованных соглашений и меморандумов без продолжения.

– Анализ статусности визитёров. В результате визитов происходит коммуникация с лицами, имеющих различный статус во властной иерархии. Анализ статусов визитёров даёт понимание, насколько стороны заинтересованы во взаимодействии (чем выше должность визитёров или принимающей стороны, тем больше заинтересованность), во-вторых, высота занимаемого положения у лица, представляющего сторону страны-реципиента, позволяет определить ширину намерения (чем выше должность, тем шире намерения). Такой анализ на примере Иркутской области был выполнен нами в работе [35].

– Разработка методов автоматического сбора и структурирования исходных данных, позволит проводить мониторинг и ежегодную аналитику визитной деятельности политических элит российских регионов, что закладывается в рейтинги и показатели эффективности деятельности высших должностных лиц регионов.

Следует признать также некоторые ограничения представленного подхода:

– Проблема неполных данных. Ввиду того, что в качестве источников мы опираемся на открытые данные с сайтов региональных правительств, министерств, информационных агентств, то в них могут быть не учтены визиты со скрытыми целями либо визиты, информация о которых была стёрта с сайтов. Так, например, данные за более ранние года по ряду регионов найти затруднительно ввиду устаревания сайтов-источников. Если в случае крупных регионов тиражирование информации по средствам массовой информации позволяет сохранить данные о более ранних периодах, то для более маленьких регионов с ограниченной сферой СМИ (например, Республика Алтай) источниками могут служить лишь архивные подборки печатных изданий, что усложняет сбор первичных данных.

– Факт визита не всегда свидетельствует о внешнеполитической линии элит региона. Равно как и внешняя заинтересованность не всегда отражает полноценную картину входящей заинтересованности. Как свидетельствуют И. Зуенко и А. Осокин, частота встреч между политическими лидерами и, соответственно, обоюдных визитов может быть определена общим членством в межгосударственных объединениях, и напротив, страна или регион может иметь красугольное значение для другого государства, но наличие сложностей в отношениях препятствует совершению обоюдных визитов [11]. В региональном разрезе функцию надгосударственного интеграционного объединения консультативного характера выполняет Ассоциация

региональных администраций стран Северо-Восточной Азии (АРАССВА), куда входит большинство рассмотренных нами регионов [36], на муниципальном уровне аналогичным институтом выступает Ассоциация мэров зимних городов мира (WWCAM).

– Представленный анализ не может являться практическим руководством. В ходе исследования мы не преследуем утилитарные цели, а фиксируем фундаментальные тенденции и закономерности политического пространства. Невозможно дать рекомендации ни политическим элитам о предпочтительных методах или путях развития визитной деятельности, ни то, каких зарубежных акторов следует привлекать к региональному сотрудничеству, а каких – нет. Такие рекомендации возможно выработать при продолжении исследований по данной теме.

Заключение

В ходе работы было рассмотрено зарубежное сотрудничество регионов Сибири и выявлено его влияние на геополитическое позиционирование регионов. Сибирские регионы активно сотрудничали со странами Европы до 2022 г., после этого происходит переориентация парадипломатии на восток, Сибирь усиливает сотрудничество со странами Южной и Юго-Восточной Азии, но с Восточной Азией сотрудничество лишь вернулось на доковидный уровень. Хотя связи с европейскими странами после объявления списка недружественных стран значительно упали, встречи всё ещё продолжают. Благодаря достаточной мягкой политике Южной Кореи в отношении санкционного режима, несмотря на её включённость в список недружественных стран, регионы Сибири сохранили взаимные контакты с ней.

Главными факторами заинтересованности визитов с зарубежной стороны можно выделить:

– Образовательное и научное сотрудничество. Новосибирск, Томск и Иркутск имеют развитую систему образования и научных центров, что позволяет налаживать студенческие обмены и углублять сотрудничество между вузами.

– Инвестиционные возможности. Строительство газопровода Иркутск–Монголия–Китай, комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь» затрагивающий Красноярский край, Республику Туву и Хакасию.

– Регулярные экономические и культурные форумы. Красноярский экономический форум успешно привлекает инвестиции в регион и помогает налаживать связи Красноярску со странами ближнего и дальнего зарубежья.

– Культурно-исторические проекты. Международный буддийский форум позволяет Республике Бурятия налаживать связи со странами Азии, схожими по конфессиональной принадлежности.

Вместе с достаточно активной визитной деятельностью политической элиты сибирских регионов следует отметить, что только каждый шестой визит заканчивается подписанием соглашения.

Вопреки мнению, что активность политических элит решает направления сотрудничества, важнейшую роль оказывает географический фактор, причём если сопредельность страны и региона способствует концентрации приграничного сотрудничества, то удалённость страны позволяет более равномерно распределять интерес по регионам.

Сетевой анализ показал выраженное наличие двух кластеров устойчивого сотрудничества: если регионы

Западной Сибири более тяготеют к Центральной Азии, то регионы Восточной Сибири, вместе с Алтаем и национальными республиками тяготеют в визитной деятельности к странам Восточной и Юго-Восточной Азии. Выявленный с помощью HITS-алгоритма сетевого анализа показатель индекса визитной деятельности (*Ivis*) наглядно показывает геополитическое позиционирование такого сложносоставного региона, как Сибирь.

Примечание

¹ База данных доступна онлайн: <https://igsbras.ru/uploads/new-page-blocks/April2025/Database-of-foreign-visits-of-Siberian-regions-2019-2024.xlsx>

Список источников

1. Логвинова И.В. Координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. 2018. 238 с.
2. Артеев С.П. Теоретические аспекты деятельности субъектов международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 93–98. doi: 10.17223/15617793/419/12
3. Flint C. et al. Mapping the dynamism of the United States' geopolitical code: The geography of the state of the union speeches, 1988–2008 // *Geopolitics*. 2009. Vol. 14, № 4. P. 604–629. doi: 10.1080/14650040802693929
4. Holmes M. Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations // *Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations*. 2018. 303 p. doi: 10.1017/9781108264761
5. Wang Y., Stone R.W. China visits: a dataset of Chinese leaders' foreign visits // *Review of International Organizations*. 2023. Vol. 18, № 1. P. 201–225. doi: 10.1007/S11558-022-09459-Z
6. Goldsmith B.E., Horiuchi Y., Matush K. Does Public Diplomacy Sway Foreign Public Opinion? Identifying the Effect of High-Level Visits // *SSRN Electronic Journal*. 2021. doi: 10.2139/SSRN.3566347
7. Lebovic J.H., Saunders E.N. The Diplomatic Core: The Determinants of High-Level US Diplomatic Visits, 1946–2010 // *International Studies Quarterly*. 2016. Vol. 60, № 1. P. 107–123. doi: 10.1093/ISQ/SQV008
8. Котельникова Н.А. Иркутск в процессах международного сотрудничества в 2012 г.: анализ деятельности органов местного самоуправления в реализации побратимских связей // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2013. № 2–1. С. 82–90.
9. Олейников И.В. Конструирование контактов: прошлое и настоящее в международном сотрудничестве регионов Сибири и Республики Корея // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2021. Т. 38. С. 51–57. doi: 10.26516/2073-3380.2021.38.51
10. Бритов И.В. Всеобъемлющее стратегическое партнёрство РФ и СРВ: достигнутый результат или перспективная цель? // *Вьетнамские исследования*. 2022. Т. 6, № 2. P. 4–17. doi: 10.54631/VS.2022.62-96208
11. Зуенко И.Ю., Осокин А.С. «Дипломатическая география» Си Цзиньпина: о чём говорит статистика зарубежных визитов китайского лидера // *Вестник МИМО-Университета*. 2024. Т. 17, № 3. С. 100–116. doi: 10.24833/2071-8160-2024-3-96-100-116
12. Kolosov V., Turovsky R. Russian geopolitics at the Fin-de-siecle // *Geopolitics*. 2001. Vol. 6, № 1. P. 141–164. doi: 10.1080/14650040108407711
13. Fartyshev A.N. The geopolitical landscape and Russia's position in multidimensional political space // *Front. Polit. Sci.* 2025. Vol. 7. P. 1651223. doi: 10.3389/fpos.2025.1651223
14. Aras B., Fazlioglu B. The brothers Karamazov go abroad: A dataset of Russian leaders' foreign visits // *The Review of International Organizations*. 2025. P. 1–41. doi: 10.1007/s11558-025-09584-5
15. Fangqu N., Bingcheng X. Evaluation of geopolitical environment along the Belt and Road routes // *Journal of Geographical Sciences*. 2025. Vol. 35, № 10. P. 2186–2204. doi: 10.1007/s11442-025-2408-2
16. Moyer J.D. et al. When Heads of Government and State (HOGS) Fly: Introducing the Country and Organizational Leader Travel (COLT) Dataset Measuring Foreign Travel by HOGS // *International Studies Quarterly*. 2025. Vol. 69, № 2. doi: 10.1093/isq/sqaf013
17. Lee J., Kim J.D. Travel to allies or adversaries? A compositional analysis of U.S. diplomatic visits // *Social Science Quarterly*. 2024. Vol. 105, № 4. P. 996–1013. doi: 10.1111/ssqu.13348
18. Бабаев К.В. Роль Сибири и Дальнего Востока в «восточном повороте» российской экономики // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2024. № 2. doi: 10.24412/2686-7702-2024-2-6-19
19. Фартышев А.Н. Количественные методы в российских геополитических исследованиях // *Политическая наука*. 2022. № 4. С. 18–40. doi: 10.31249/POLN/2022.04.01
20. Иванов С.А. Воображаемое сотрудничество на российско-китайской границе // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 8. С. 6–19.
21. Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М. Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности // *Политическая наука*. 2023. № 4. С. 31–59. doi: 10.31249/poln/2021.04.02
22. Туровов А.В. Возможности трансплантации политических институтов при торговле технологиями: результаты сетевого анализа в сравнительной перспективе // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 65. С. 310–327. doi: 10.17223/1998863X/65/26
23. Alyev T., Stoyanova E., Chimiris E. Integration Strategies of the Post-Soviet Countries – Analysis Using the Social Graph Approach // *International Organisations Research Journal*. 2023. Vol. 18, № 1. P. 127–150. doi: 10.17323/1996-7845-2023-01-05
24. Kleinberg J.M. Authoritative sources in a hyperlinked environment // *Journal of the ACM (JACM)*. 1999. Vol. 46, № 5. P. 604–632. doi: 10.1145/324133.324140
25. Gong X.L., Ning H.Y., Xiong X. Research on the cross-contagion between international stock markets and geopolitical risks: the two-layer network perspective // *Financial Innovation*. 2025. Vol. 11, № 1. P. 1–32. doi: 10.1186/S40854-024-00687-3
26. Meraz S. The Democratic Contribution of Weakly Tied Political Networks // *Social Science Computer Review*. 2013. Vol. 31, № 2. P. 191–207. doi: 10.1177/0894439312451879
27. Poikkimäki H. et al. Analyses of Networks of Politicians Based on Linked Data: Case ParliamentSampo – Parliament of Finland on the Semantic Web // *Communications in Computer and Information Science*. 2022. Vol. 1652 CCIS. P. 585–592. doi: 10.1007/978-3-031-15743-1_53
28. Li L., Shang Y., Zhang W. Improvement of HITS-based algorithms on web documents // *Proceedings of the 11th International Conference on World Wide Web, WWW'02*. 2002. P. 527–535. doi: 10.1145/511446.511514

29. Hassan-Montero Y., De-Moya-anegón F., Guerrero-Bote V.P. SCImago Graphica: a new tool for exploring and visually communicating data // *Profesional de la información*. 2022. Vol. 31, № 5. doi: 10.3145/EPI.2022.SEP.02
30. Монгуш С.П. Анализ территориальной структуры хозяйства «Енисейская Сибирь» // *Устойчивое развитие горных территорий*. 2024. Vol. 16, № 2. P. 814–826. doi: 10.21177/1998-4502-2024-16-2-814-826
31. Schwartz B., Johnston W.M. Celebrations: The Cult of Anniversaries in Europe and the United States Today. // *Contemporary Sociology*. 1992. Vol. 21, № 2. P. 265. doi: 10.2307/2075499
32. Clauset A., Newman M.E.J., Moore C. Finding community structure in very large networks // *Physical Review E*. 2004. Vol. 70, № 6. Art. 6. doi: 10.1103/PHYSREVE.70.066111
33. Федоров Н.В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9, № 1. С. 74–90.
34. Лузянин С.Г. Треугольник «Россия–Вьетнам–Китай»: современные вызовы, трансформации и асимметрии // *Вьетнамские исследования*. 2022. Т. 6, № 4. С. 4–12. doi: 10.54631/VS.2022.64-117510
35. Фартышев А.Н. Зарубежные визиты представителей региональной элиты Иркутской области 2015–2020 гг.: статус-анализ // *Семнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения* / ред. Ю. А. Зуля. 2025. С. 157–162.
36. Олейников И.В., Якимова А.А. Компромиссное партнерство: Ассоциация региональных администраций стран Северо-Восточной Азии как институт развития международного сотрудничества // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2020. Т. 32. С. 44–51. doi: 10.26516/2073-3380.2020.32.44

References

1. Logvinova, I.V. (2018) *Koordinatsiya mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazey sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Coordination of international and foreign economic relations of the subjects of the Russian Federation]. [S.l.]: [s.n.].
2. Arteev, S.P. (2017) Theoretical aspects of the activities of sub-state actors in international relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta -- Tomsk State University Journal*. 419. pp. 93–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/419/12
3. Flint, C. et al. (2009) Mapping the dynamism of the United States' geopolitical code: The geography of the state of the union speeches, 1988–2008. *Geopolitics*. 14 (4). pp. 604–629. doi: 10.1080/14650040802693929
4. Holmes, M. (2018) *Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781108264761
5. Wang, Y. & Stone, R.W. (2023) China visits: a dataset of Chinese leaders' foreign visits. *Review of International Organizations*. 18 (1). pp. 201–225. doi: 10.1007/S11558-022-09459-Z
6. Goldsmith, B.E., Horiuchi, Y. & Matush, K. (2021) Does Public Diplomacy Sway Foreign Public Opinion? Identifying the Effect of High-Level Visits. *SSRN Electronic Journal*. doi: 10.2139/SSRN.3566347
7. Lebovic, J.H. & Saunders, E.N. (2016) The Diplomatic Core: The Determinants of High-Level US Diplomatic Visits, 1946–2010. *International Studies Quarterly*. 60 (1). pp. 107–123. doi: 10.1093/ISQ/SQV008
8. Kotel'nikova, N.A. (2013) Irkutsk v protsessakh mezhdunarodnogo sotrudnichestva v 2012 g.: analiz deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya v realizatsii pobratimskikh svyazey [Irkutsk in the processes of international cooperation in 2012: analysis of the activities of local self-government bodies in the implementation of sister city ties]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2–1. pp. 82–90.
9. Oleynikov, I.V. (2021) Konstruirovaniye kontaktov: proshloe i nastoyashchee v mezhdunarodnom sotrudnichestve regionov Sibiri i Respubliki Koreya [Constructing contacts: past and present in international cooperation of the regions of Siberia and the Republic of Korea]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 38. pp. 51–57. doi: 10.26516/2073-3380.2021.38.51
10. Britov, I.V. (2022) Vseob"emlyushchee strategicheskoe partnerstvo RF i SRV: dostignutyiy rezul'tat ili perspektivnaya tsel'? [Comprehensive strategic partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam: achieved result or prospective goal?]. *V'etnamskie issledovaniya*. 6 (2). pp. 4–17. doi: 10.54631/VS.2022.62-96208
11. Zuenko, I.Yu. & Osokin, A.S. (2024) Diplomaticheskaya geografiya" Si TSzin'pina: o chom govorit statistika zarubezhnykh vizitov kitayskogo lidera ["Diplomatic Geography" of Xi Jinping: What the Statistics of the Chinese Leader's Foreign Visits Say]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 17 (3). pp. 100–116. doi: 10.24833/2071-8160-2024-3-96-100-116
12. Kolosov, V. & Turovsky, R. (2001) Russian geopolitics at the Fin-de-siecle. *Geopolitics*. 6 (1). pp. 141–164. doi: 10.1080/146500401080407711
13. Fartyshev, A.N. (2025) The geopolitical landscape and Russia's position in multidimensional political space. *Front. Polit. Sci.* 7. p. 1651223. doi: 10.3389/fpos.2025.1651223
14. Aras, B. & Fazlioglu, B. (2025) The brothers Karamazov go abroad: A dataset of Russian leaders' foreign visits. *The Review of International Organizations*. pp. 1–41. doi: 10.1007/s11558-025-09584-5
15. Fangqu, N. & Bingcheng, X. (2025) Evaluation of the geopolitical environment along the Belt and Road routes. *Journal of Geographical Sciences*. 35 (10). pp. 2186–2204. doi: 10.1007/s11442-025-2408-2
16. Moyer, J.D. et al. (2025) When Heads of Government and State (HOGS) Fly: Introducing the Country and Organizational Leader Travel (COLT) Dataset Measuring Foreign Travel by HOGS. *International Studies Quarterly*. 69 (2). doi: 10.1093/isq/sqaf013
17. Lee, J. & Kim, J.D. (2024) Travel to allies or adversaries? A compositional analysis of U.S. diplomatic visits. *Social Science Quarterly*. 105 (4). pp. 996–1013. doi: 10.1111/ssqu.13348
18. Babaev, K.V. (2024) Rol' Sibiri i Dal'nego Vostoka v "vostochnom povorote" rossiyskoy ekonomiki [The role of Siberia and the Far East in the "eastern turn" of the Russian economy]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. (2). doi: 10.24412/2686-7702-2024-2-6-19
19. Fartyshev, A.N. (2022) Kolichestvennye metody v rossiyskikh geopoliticheskikh issledovaniyakh [Quantitative methods in Russian geopolitical research]. *Politicheskaya nauka*. (4). pp. 18–40. doi: 10.31249/POLN/2022.04.01
20. Ivanov, S.A. (2014) Voobrazhaemoe sotrudnichestvo na rossiysko-kitayskoy granitse [Imaginary cooperation on the Russian-Chinese border]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 8. pp. 6–19.
21. Pomiguyev, I.A., Fomin, I.V. & Mal'tsev, A.M. (2023) Setevoy podkhod v zakonodatel'nykh issledovaniyakh: perspektivnye metody kachestvennogo i kolichestvennogo analiza parlamentskoy deyatel'nosti [Network approach in legislative studies: promising methods of qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity]. *Politicheskaya nauka*. (4). pp. 31–59. doi: 10.31249/poln/2021.04.02
22. Turobov, A.V. (2022) Possibilities of transplantation of political institutions in technology trade: results of network analysis in a comparative perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya -- Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 310–327. (In Russian). doi: 10.17223/1998863Kh/65/26
23. Alyev, T., Stoyanova, E. & Chimiris, E. (2023) Integration Strategies of the Post-Soviet Countries – Analysis Using the Social Graph Approach. *International Organisations Research Journal*. 18 (1). pp. 127–150. doi: 10.17323/1996-7845-2023-01-05
24. Kleinberg, J.M. (1999) Authoritative sources in a hyperlinked environment. *Journal of the ACM (JACM)*. 46 (5). pp. 604–632. doi: 10.1145/324133.324140
25. Gong, X.L., Ning, H.Y. & Xiong, X. (2025) Research on the cross-contagion between international stock markets and geopolitical risks: the two-layer network perspective. *Financial Innovation*. 11 (1). pp. 1–32. doi: 10.1186/S40854-024-00687-3

26. Meraz, S. (2013) The Democratic Contribution of Weakly Tied Political Networks. *Social Science Computer Review*. 31 (2). pp. 191–207. doi: 10.1177/0894439312451879
27. Poikkimäki, H. et al. (2022) Analyses of Networks of Politicians Based on Linked Data: Case ParliamentSampo – Parliament of Finland on the Semantic Web. *Communications in Computer and Information Science*. 1652 CCIS. pp. 585–592. doi: 10.1007/978-3-031-15743-1_53
28. Li, L., Shang, Y. & Zhang, W. (2002) Improvement of HITS-based algorithms on web documents. *Proceedings of the 11th International Conference on World Wide Web, WWW'02*. pp. 527–535. doi: 10.1145/511446.511514
29. Hassan-Montero, Y., De-Moya-anegón, F. & Guerrero-Bote, V.P. (2022) SCImago Graphica: a new tool for exploring and visually communicating data. *Profesional de la información*. 31 (5). doi: 10.3145/EPI.2022.SEP.02
30. Mongush, S.P. (2024) Analiz territorial'noy struktury khozyaystva "Eniseyskaya Sibir'" [Analysis of the territorial structure of the economy "Yenisei Siberia"]. *Ustoychivoe razvitiye gornykh territoriy*. 16 (2). pp. 814–826. doi: 10.21177/1998-4502-2024-16-2-814-826
31. Schwartz, B. & Johnston, W.M. (1992) Celebrations: The Cult of Anniversaries in Europe and the United States Today. *Contemporary Sociology*. 21 (2). p. 265. doi: 10.2307/2075499
32. Clauset, A., Newman, M.E.J. & Moore, C. (2004) Finding community structure in very large networks. *Physical Review E*. 70 (6). Art. 6. doi: 10.1103/PHYSREVE.70.066111
33. Fedorov, N.V. (2018) Soglasenie o zone svobodnoy trgovli mezhdru EAES i Vietnamom kak faktor rossiysko-v'etnamskikh otnosheniy [The free trade zone agreement between the EAEU and Vietnam as a factor in Russian-Vietnamese relations]. *Sravnitel'naya politika*. 9 (1). pp. 74–90.
34. Luzyanin, S.G. (2022) Treugol'nik "Rossiya–Vietnam–Kitay": sovremennye vyzovy, transformatsii i asimmetrii [The "Russia–Vietnam–China" triangle: contemporary challenges, transformations and asymmetries]. *V'etnamskie issledovaniya*. 6 (4). pp. 4–12. doi: 10.54631/VS.2022.64-117510
35. Fartyshchev, A.N. (2025) Zarubezhnye vizity predstaviteley regional'noy elity Irkutskoy oblasti 2015–2020 gg.: status-analiz [Foreign visits of representatives of the regional elite of Irkutsk Oblast 2015–2020: status analysis]. In: Zulyar, Yu.A. (ed.) *Semnadtsatye Baykal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya* [Seventeenth Baikal Social and Humanitarian Readings]. [S.l.]: [s.n.]. pp. 157–162.
36. Oleynikov, I.V. & Yakimova, A.A. (2020) Kompromissnoye partnerstvo: Assotsiatsiya regional'nykh administratsiy stran Severo-Vostochnoy Azii kak institut razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Compromise partnership: The Association of Regional Administrations of North-East Asian Countries as an institution for the development of international cooperation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 32. pp. 44–51. doi: 10.26516/2073-3380.2020.32.44

Информация об авторах:

Фартышев А.Н. – канд. геогр. наук, зав. лабораторией георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия); доцент кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия). E-mail: fartyshchev.an@gmail.com

Ботвинкин В.В. – лаборант лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия); студент кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия). E-mail: valeriy.botvinkin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Fartyshchev, Cand. Sci. (Geography), head of the Laboratory of Geo-Resource Studies and Political Geography, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation); Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: fartyshchev.an@gmail.com

V.V. Botvinkin, laboratory assistant, V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation); student, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: valeriy.botvinkin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.04.2025;
одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 24.04.2026.*

*The article was submitted 11.04.2025;
approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 24.04.2026.*